

примере (13) и как в русских примерах. В примере (14) использована форма *импоссибилитива* (*акъвазич, гуч*) – наклонения [Керимов 2002, 105]. При формах с отрицанием (*итоссибилитива - гуч* ‘не может быть, чтобы дал’, *отрицательная форма индикатива - гудач* ‘не даст’) союз *я...* имеет усилительное значение и соответствует русскому *ни...ни*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Аспектуально-таксисные

ситуации // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

2. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – М, 2004.

3. Недалков И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значение одновременности/предшествования/следования// Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариантность. – СПб.: Наука, 2002.

4. Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков / К.Р. Керимов. – Махачкала: ДГУ, 2002.

УДК 809.24/29.00/36:808.2

Ханбалаева С.Н.

Московский институт
экономических преобразований

**АСПЕКТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТАКСИСА***

Аннотация. В статье рассматриваются специфические параметры таксиса. Учитывая эти параметры, языки можно типологизировать по представленности в них тех или иных значений и по способам их грамматического выражения.

Ключевые слова: таксисные отношения, деепричастие, конверб, морфологическая категория, финитная форма глагола.

S. Hanbalaeva

ASPECTS OF COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL STUDY OF TAXIS

Abstract. The article deals with the specific parameters of taxis. Taking into consideration these parameters makes it possible to typify all languages according to representation in them different meanings and ways of their grammatical expression.

Key words: taxis relations, adverbial participle, converb, morphological category, finite verbal form.

В современном изучении таксиса условно можно выделить два ряда исследований. К первому можно отнести работы, в которых данная категория исследуется на материале русского, а также английского, немецкого и др. европейских языков (и в сопоставлении их между собой). Таксисные отношения выражаются в русском языке деепричастиями СВ и НСВ и системой

придаточных предложений. В других – формами относительных времён, согласованием времён и другими синтаксическими средствами.

Однако, на наш взгляд, больший интерес представляют исследования второго ряда – те, в которых речь идёт о специальной морфологической категории, предназначенной для выражения таксисных отношений. Это работы, в которых исследуется категория таксиса в так называемых деепричастных языках, т.к. в дагестанских языках также представлена такая категория. С другой стороны, факты таких языков и послужили толчком к экспликации таксиса как грамматической категории. В частности, факты нивхского языка. В этом языке имеются формы зависимого таксиса, в которых специальными морфемами выражаются значения одновременности, предшествования, следования и др. относительно финитной формы глагола.

Таксисные формы нивхского, лезгинского и русского языков существенно отличаются. В нивхском и русском языках основной единицей зависимого таксиса является деепричастие. В то же время нивхские деепричастия (в отличие от русских) имеют специальные аффиксы, которые собственно и образуют парадигму таксисных форм. В русском языке деепричастия представляют собой класс неизменяемых словоформ обстоятельственного значения. Они обладают несловоизменяемыми грамматическими зна-

* © Ханбалаева С.Н.

чениями СВ и НСВ, с помощью которых собственно и выражаются таксисные отношения предшествования или одновременности соответственно, т.е. в русском языке таксисные значения, выражаемые деепричастиями, выступают как несобственные функции категории вида. В лезгинском языке, как и в нивхском, таксисные формы образуются специальными морфемами. Деепричастиями такие формы можно называть лишь условно, исходя из функционального сходства с деепричастиями. Они, в отличие от русского деепричастия, имеют формы времени. Это означает, что в дагестанских языках представлен иной тип морфологического таксиса, нежели в нивхском языке. В то же время, как полагает Р.О. Якобсон [1972, 95-113], типичной формой зависимого таксиса является деепричастие. А нивхский язык, где зависимый таксис выражается различными формами деепричастий, он относит к эталонным языкам с зависимым таксисом [см.: Недялков, Отаина 2001, 297].

До недавнего времени категория таксиса не была описана в дагестанских языках. При ее специальном описании в отдельных языках, как представляется, важно учесть тот факт, что таксисные единицы разных языков, обозначаемые термином *деепричастие*, часто не укладываются в традиционные представления о деепричастии. Кроме того, в функциях зависимого таксиса выступают не только деепричастия. Поэтому такие единицы мы обозначаем более нейтральным термином *конверб* [Недялков 2002, 14-16]. *Конверб* определяется как “нефинитная форма глагола (деепричастие или отглагольное имя с предлогом или послелогом), которая преимущественно или всегда выступает в роли обстоятельства. Иначе говоря, *конверб* не может быть единственной глагольной формой неэллиптического предложения (такой формой может быть только финитная)” [там же, 14]. Термин *конверб*, таким образом, может объединить зависимые предикаты разной грамматической природы (иногда в пределах одного языка, например, любого из дагестанских), выполняющие обстоятельственные функции. Список этих функций является закрытым и включает три основных вида таксисных отношений (одновременности, предшествования и следования) и около десяти функций, связанных с обусловленностью (причина, условие, уступка, цель и т.д.).

Как отмечают В.П. Недялков и Т.А. Отаина, в разных языках в различной степени развиты формы зависимого таксиса. По этому признаку языки располагаются на шкале непрерывности.

Крайние полюса занимают языки, где формы зависимого таксиса полностью отсутствуют, и языки, где все глагольные формы в предложении, кроме независимого сказуемого, являются деепричастными. К первому типу приближается арабский, ко второму – нивхский, карачаево-балкарский, корейский и другие языки. Русский литературный язык занимает промежуточное положение, а разговорный русский язык ближе к языкам, в которых формы зависимого таксиса отсутствуют: в системе разговорной речи деепричастие как форма, специализированная на синтаксической функции выделения зависимой предикации, отсутствует. Немецкий язык ближе к первому типу, чем литературный русский и т.д. Возможен и третий тип языков – ней-трагных к признаку зависимого таксиса. В них основная форма глагола может без изменения выступать и как опорное, и как второстепенное сказуемое. К таким языкам относятся, предположительно, языки типа вьетнамского и йоруба [Недялков, Отаина 2001, 300-301]. Заметим, что и в дагестанских языках есть формы, которые без изменения выступают в функциях и опорного, и второстепенного сказуемого.

Параметр *таксисности* (= “деепричастности”) применяется при анализе зависимого таксиса в деепричастных языках России [Недялков 2002, 14-16]. В деепричастных языках России контекстные (или полисемичные) конвербы составляют, по нашим подсчётам, около 28 %, тогда как доля специализированных (моносемичных) конвербов – 72 %. Далее рассмотрим контекстные конвербы следования с количественным анализом по признаку совпадения или несовпадения их субъекта с субъектом опорного глагола (соответственно – *равносубъектные* или *разносубъектные*).

Равносубъектность и *разносубъектность* (или *однореферентность* и *разнореферентность*) учитываются и среди параметров таксиса [Храковский 2003, 12-14]. В.С. Храковский определяет таксис как категорию, которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность, предшествование, следование) одной ситуации P1 относительно другой ситуации P2, чья временная локализация прототипически характеризуется относительно момента речи, т.е. независимо от какой-либо ещё ситуации. Параметрами таксиса он называет семантические признаки, значения которых следует учитывать при характеристике этой категории. Различаются два

вида этих параметров. Одни параметры являются общими и должны учитываться при характеристике не только таксисных, но и других бипредикативных конструкций. Другие – специфическими и служат, прежде всего, для классификации таксисных конструкций. Из общих параметров наиболее важным признаётся тот, что связан с соотносительной референтной характеристикой первых партиципантов (участников ситуации, субъектов) “синтаксически зависимой” ситуации P1 и “синтаксически независимой” ситуации P2 (то же, что и *равносубъектность* и *разносубъектность* выше). Этот параметр может иметь два значения: 1. У ситуации P1 и у ситуации P2 одинаковые первые партиципанты; 2. У ситуации P1 и у ситуации P2 разные первые партиципанты.

Теоретически в языках возможны следующие комбинации таксисных глагольных форм: 1) в языке представлены таксисные формы всех трех типов, 2) в языке представлены однореферентные и разнореферентные таксисные формы, 3) в языке представлены однореферентные и безразличнореферентные таксисные формы, 4) в языке представлены разнореферентные и безразличнореферентные таксисные формы, 5) в языке представлены безразличнореферентные таксисные формы. Очевидно, не может быть языка, в котором были бы только однореферентные или только разнореферентные таксисные глагольные формы.

Языки могут различным образом разграничивать однореферентность и разнореферентность первых партиципантов ситуаций P1 и P2. Например, в русском языке грамматически неправильной является конструкция *Войдя в комнату, моя голова заболела*. Деепричастие *войдя*, представляющее ситуацию P1, является однореферентной таксисной формой, тогда как у первых партиципантов ситуаций P1 и P2 с точки зрения русского языка разные референты: говорящий и голова говорящего. У русских деепричастий субъект действия всегда тот же, что и у опорной глагольной формы (однореферентность). Для шорского языка, пример из которого приводит

В.С. Храковский, а также других тюркских языков аналогичная конструкция является грамматически правильной.

Правильной такая конструкция будет и для дагестанских языков. В дагестанских языках глагол нейтрален в залоговом отношении. Согласовательные морфемы в даргинском и аварском языках могут маркировать в глаголе связь с партиципантами. В лезгинском же языке, утратившем категорию грамматических классов (родов) имён, глагол не согласуется с актантами ни в роде, ни в числе. Всё это должно, по-видимому, обуславливать нейтральное отношение таксисных форм дагестанских языков к обсуждаемому параметру. Классные показатели не влияют на семантику референтности, а только сигнализируют о синтаксической связи. Английский язык по параметру соотносительной референтной характеристики первых партиципантов ближе к дагестанским языкам. Все нефинитные глагольные формы в нём безразличнореферентны, как и в дагестанских языках.

Как видно из изложенного, под специфическими параметрами таксиса понимаются теоретически возможные разновидности временных отношений между действиями, т.е. перечень таксисных значений. Учитывая эти параметры, языки можно, видимо, типологизировать по представленности в них тех или иных значений и по способам их грамматического выражения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // ВЯ. – 2003, № 2.
2. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972.
3. Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // ТФГ. – М., 2001
4. Недялков И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значение одновременности/предшествования/следования// Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариантность. – СПб.: Наука, 2002.